

Артист Юрий Ломоносов: «Жизнь интересна работой»

Чита, театр. Только что закончился спектакль. В фойе, у раздалки, толпятся оживленные зрители, обсуждают комедию, смеются, называют имена актеров. «Ломоносов? Да, да, замечательно! Разносторонний талант».

А Юрий Алексеевич Ломоносов сидит в это время в гримерке перед зеркалом — уставший, чуть грустный, так не похожий на забавного дона Педро, ревностного блюстителя чести двух дочерей.

— Добрый вечер! — отвечает он на приветствие. — Присаживайтесь, пожалуйста. Я пока сниму грим. Вы хотели спросить меня о чем-то?

— О многом. Но сначала — поздравляю с премьерой и новым успехом. Без вашего дона Педро спектакль многое потерял бы.

— Спасибо. Комплименты приятны каждому человеку. Актеру — особенно. Но, знаете, премьерный комплимент не всегда объективен. Премьера — это праздник в театре, кто же захочет портить актеру праздничное настроение неосторожным словом. Поэтому комплименты комплиментами, а артист должен иметь собственное представление о своем месте в искусстве. Если его творчество приносит людям радость, а ему — успех, он должен изучать причины этого успеха, если зритель не проявляет интереса к его работе — задумываться: почему?

— Наверное, прежде всего, Юрий Алексеевич, мы должны говорить с вами одно непеременимое условие: всякий самоанализ и анализ имеет смысл, когда речь идет о таланте.

— Но что это такое? И где тот прибор, с помощью которого можно определить степень талантливости?

— У меня такого измерителя тоже нет, но думаю, что применительно к труду актера, талант — это прежде всего искусство перевоплощаться, убедительно жить в обстоятельствах, предложенных автором и режиссером. На сегодняшнем спектакле я сидел рядом с человеком, который отлично знает труппу нашего театра и вас, разумеется. Но долго не мог понять, кто же исполняет дону Педро. На нашей сцене, по крайней мере, вы за два с лишним года ни разу не повторились. Председатель колхоза Плетнев из «Солдатской вдовы» Анкилова, добропорядочный буржуа Джайлс Рэлстон и полицейский сыщик Троттер из «Мышеловки» Агаты Кристи, неуклюжий, добрый Новосельцев из «Служивцев» Брагинского и Рязанова, королевский приближенный Банко из «Макбета» Шекспира, хирург Платон Кречет из одноименной драмы Корнейчука, царский министр Добровольский из «Заговора императрицы» Алексея Толстого, дон Педро из кальдероновской «С любовью не шутят», казак Егор Ушаков из «Забайкальцев» Балябина, — у всех этих ваших героев не только разная биография. Они не только из разных эпох, классов и социальных групп. Неповторимо их человеческое естество. Вот это, наверное, навсегда останется самым таинственным и притягательным в профессии актера: сегодня уметь быть английским лордом, завтра — ставленником, послезавтра — американским хиппи.

— Никакой таинственности в нашей профессии нет. Как в любой другой, в ней нужно прежде всего высокое, надежное ремес-

ло. Есть у нас такое выражение: техническая оснащенность актера. Актеру, хорошо технически оснащенному, не так уж и трудно сегодня изображать на сцене принца, а завтра — нищего.

— Да, но для того, чтобы зритель поверил в принца, — ремесла мало.

— Безусловно. Я говорю о

ремесле как необходимом условии для всякого творчества. Писатель, который хочет написать книгу, должен хорошо знать ту жизнь, которую он хочет отразить. Но он никогда не сделает этого, если не будет в совершенстве владеть языком, всеми его изобразительными средствами. Так и актер, приступая к созданию сценического образа, должен свободно владеть языком сцены. Если ты надеешься только на свой талант, вдохновение, избегаешь черновой работы, шлифовки ремесла, — никогда не добьешься успеха в искусстве. По крайней мере прочного.

— Юрий Алексеевич, давайте продолжим этот разговор, имея в виду какую-нибудь конкретную мизансцену с вашим участием. Я очень люблю спектакль «Солдатская вдова», смотрел его несколько раз и, признаюсь, всегда чувствую в горле комок в сцене, где вы, председатель Плетнев, и колхозницы судят за воровство Степаниду Панкратову в очень достойном исполнении Татьяны Ивановны Даниловой. Хотя, говорю, и смотрел неоднократно, не могу вспомнить, что вы делаете в этой сцене. Но как будто и сейчас слышу ваш голос, то поднимающий, то патетичный, то готовый сорваться глухим стоном. Мне кажется, в это мгновение зал переживает высокие минуты единения и благодарности к таким людям, как сам Плетнев, как Степанида, которые вынесли на своих плечах тяготы войны. Где тут ремесло и где вдохновение?

— Вы говорите уже о гражданской позиции актера, об отношении его к происходящему в пьесе, на сцене. Этому нельзя научиться, это должно быть в сердце. Как ни велико в нашей профессии значение мастерства — как такового — самым важным остается наше мировоззрение, наша идейная убежденность.

— Но каковы у актера возмож-

ности высказать свою гражданскую позицию, если он говорит со сцены чужими словами?

— Возможности неограниченные! Вот упрощенная схема: актеру равнодушному все равно, кого изображать, лишь бы роль была побольше. Он может быть даже хорошо оснащенным технически и вследствие этого хорошо изобразить негодяя, но не осудить его. Актер творческий, любящий искусство в себе, а не себя в искусстве, и в маленькой роли сумеет выразить свое жизненное кредо. Вы посмотрите, как велика ответственность, которая ложится на театр! На стройке, у доменной печи, в поле, у станка, в учреждении человек создает материальные ценности, участвует в управлении государством. А вечером приходит к нам, становится зрителем и, в сущности, с помощью нас хочет поразмышлять, правильно ли он живет. Мы — как лапшусовая булочка, которая помогает ему быстрее обнаружить, что есть что и кто есть кто.

— Каков тот круг жизненных проблем, которые больше всего волнуют вас как художника? Сказать иначе, кто, какой герой является вашим идеалом, что вы не приемлете?

— Мне нравятся люди типа Платона Кречета, Плетнева — настоящие советские люди, коммунисты, которые видят смысл и счастье своей жизни в служении народу, советскому обществу.

Ненавижу мещанство. Современный тип мещанина более изощрен и замаскирован, чем его махровый предшественник.

— Юрий Алексеевич, а теперь попробуем перевести разговор в личный план. Вы — популярный в Чите актер, и вашим поклонникам интересно узнать, как вы пришли на сцену, какие у вас увлечения?

— Если моя жизнь чем-то интересна и чем-то оправдана — так это работой, игрой на сцене... Но извольте. В роду у нас актеров не было. Неизвестно, почему, но в шестнадцать лет, закончив среднюю школу, я подал документы в приемную комиссию Государственного института театрального искусства. После окончания его около десяти лет работаю в театре.

— Я знаю, что вы женаты, что у вас двое детей. Мне приходилось слышать, что семья — помеха для творческого человека, многочисленные заботы губят талант.

— Такие высказывания свойственны юности. Я очень люблю детей, у меня дочь и сын. Между прочим, дети очень чутки к фальши вообще и к сценической в том числе.

— Позволю себе напомнить кстати мысль Экзюпери: родившись, человек потом многое забывает и становится взрослым.

— Да, как это ни парадоксально, у детей можно многому научиться. Но главный учитель — это, конечно, жизнь. Жизнь без грима, во всей ее красоте и сложности.

— И в заключение, Юрий Алексеевич, разрешите пожелать вам новых удачных премьер на сцене Читинского театра.

— Спасибо.

Диалог с артистом Ю. Ломоносовым вел журналист А. АЛЕШКИН.

На снимке: Ю. А. Ломоносов.